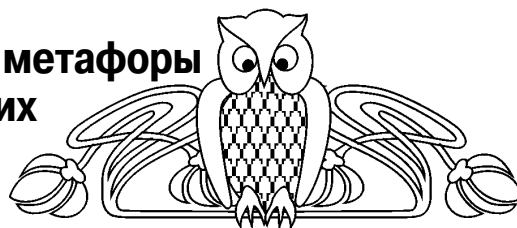

УДК 811.133.1'276'373.612.2

Эмоционально-оценочная функция метафоры в речи французских военнослужащих в период Первой мировой войны

Е. А. Соловьева

Соловьева Евгения Анатольевна, аспирант кафедры романской филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, e_rossignol@mail.ru

В статье анализируется эмоционально-оценочная функция метафоры, актуализирующей реалии военной сферы в речевой практике французских военнослужащих начала XX в. Автором показано, что использование метафор в профессиональной коммуникации определяется как текущим психологическим и экстралингвистическим контекстом, так и коннотативной составляющей языкового знака.

Ключевые слова: метафора, военная лексика, профессиональная коммуникация, аргю пуалу, военный дискурс, Первая мировая война.

Emotional and Evaluative Function of Metaphor in the Speech of French Soldiers During the First World War

E. A. Solovyova

Evgeniya A. Solovyova, <https://orcid.org/0000-0001-8796-6059>, Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don 344006, Russia, e_rossignol@mail.ru

The article explores the emotional and evaluative function of metaphor actualizing the military realia in the speech practices of French soldiers in the early twentieth century. The author shows that the use of metaphors in professional communication is largely conditioned by the current psychological and extra-linguistic context and by the connotative meaning of the linguistic sign as well.

Keywords: metaphor, military vocabulary, professional communication, argot poilu, military discourse, the First World War.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-1-7-10>

В процессе осознанного восприятия человек неизбежно формирует эмоциональное или оценочное отношение к реалиям своей познавательной, коммуникативной или практической деятельности. Язык, как сложная система знаков, обладающих не только денотативным, но и сопутствующим коннотативным значением, может использоваться не только для непосредственного называния различных эмоций, но и косвенно указывать на переживаемые человеком чувства и его отношение к окружающему миру. В современной лингвистике представление о взаимоотношении языка и эмоций носит всё более антропоцентрический характер и подразумевает не только структурный и семантический анализ языковых знаков, но и непосредственное исследование ра-

ционально-эмоционального континуума самой личности¹.

На сегодняшний день среди исследователей отсутствует единодушие в определении понятия «коннотация». Его интерпретация различными учёными варьируется от эмотивной составляющей лексемы до означаемого второго уровня, накладывающегося на первичное денотативное значение².

В наиболее общем виде коннотация может рассматриваться как некоторая совокупность всех элементов значения, которые могут быть добавлены к элементарному толковательному (нейтрально-информационному) значению языкового знака. Формирование коннотативных смыслов в процессе коммуникации напрямую зависит от культурной и социальной компетенции её участников и их культурных и аксиологических установок. Не менее тесно феномен коннотации связан с явлениями стилистической и эмоционально-экспрессивной синонимии. В большинстве случаев экспрессивность и яркая оценочность проявляются во время неформальной коммуникации, которая часто реализуется путём обращения к субстандартному вокабуляру.

Исследования различных дискурсивных практик показывают, что использование метафор является эффективным инструментом аргументации при обсуждении разнообразных профессиональных и социальных вопросов (F. Ervas et al.³, G. Frezza⁴). Важной вехой, в значительной степени предопределившей развитие метафорологии как науки, стали труды Дж. Лакоффа и М. Джонсона⁵. Получившая широкое распространение функционально-когнитивная парадигма способствует осознанию того, что метафора принадлежит не только к языковой, но и к ментальной сфере, а метафорическая концептуализация окружающего мира во многом зависит от особенностей когнитивного опыта как отдельного человека, так и общества в целом. За последние несколько лет опубликовано значительное число работ, посвященных данной проблематике.

Кроме того, в настоящее время предпринимаются всё более активные попытки изучения в диахроническом аспекте как метафорической системы отдельно взятого языка⁶, так и речевых практик военного социума⁷. Данный вектор исследований является весьма перспективным. Он не только позволяет проанализировать ментальные и социокультурные факторы, влияющие на концеп-

туализацию окружающего мира, но также предоставляет возможность проследить её эволюцию.

Одна из главных сложностей диахронического подхода связана с тем, что доступные источники языкового материала зачастую имеют ограниченный письменно зафиксированный характер. Практически неизученной остаётся неформальная профессиональная коммуникация военнослужащих, которая реализуется при повседневном общении. В связи с этим мы разделяем мнение исследователей, которые полагают возможным привлекать в качестве эмпирической базы литературные произведения, отражающие профессиональные реалии с высокой степенью аутентичности⁸.

Первая мировая война стала масштабным геополитическим катаклизмом начала XX в., затронувшим различные слои французского общества и приведшим к значительной трансформации существовавшей системы социального и мирового устройства. В этот период появился своеобразный военный социолект – траншейное аргю (*argo poilu*), который оставил заметный след во французском языке. Однако мы не выявили публикаций, посвящённых анализу эмоционально-оценочной функции метафоры, актуализирующей реалии военной сферы в речевой практике французских военнослужащих начала XX в., что и обуславливает новизну и актуальность настоящей работы. Источником языкового материала послужили специализированные словари (J.-M. Cassagne⁹, G. Esnault¹⁰), а также прозаические произведения, обладающие высокой фактологической достоверностью, авторами которых являются участники Первой мировой войны: Анри Барбюс (Henri Barbusse)¹¹, Арно Галопен (Arnould Galopin)¹², а также коллектив ветеранов боевых действий, оставшихся неизвестными¹³. В качестве метода исследования был применён комплексный когнитивный и функциональный анализ метафорических репрезентаций реалий профессиональной сферы.

Предпринятый анализ практического материала свидетельствует о том, что метафорические переосмысления, присутствующие в речи военнослужащих, достаточно часто используются для актуализации различных видов **оружия** и **боеприпасов**, типичных для анализируемого периода. Например: *S'assurant que sa baïonnette était solide au bout de son lebel, le caporal recommanda, dans un souffle: – A mon signal. Avec Rosalie!*¹⁴ (Удостоверившись, что штык крепко сидел на стволе его винтовки, капрал тихо произнёс: – По моему сигналу. С *Розали!*¹⁵). В приведённом примере, винтовочный штык, вербализующийся в нейтральном регистре французского языка при помощи лексемы женского рода *baïonnette*, неформально переосмысливается путём обращения к женскому имени *Rosalie* (досл. *Розали*). Данная антропонимическая номинация непосредственно связана с известной патриотической песней фран-

цузского поэта и исполнителя Теодора Ботреля, в которой штык уподобляется оружию Роланда и Карла Великого, трансформируясь в символ славы и доблести: – *Rosalie! Sœur glorieuse / De Durandal et Joyeuse / – Verse à boire* (– *Розали*, славная сестра / Дюрандаля и Жуайёз / – Налей)¹⁶.

Наши наблюдения показывают, что в период Первой мировой войны практика актуализации различных военно-технических средств и вооружений при помощи персонифицирующих метафорических переосмыслений, в частности имён-антропонимов, является достаточно привычной и носит либо прототипно-ориентированный, либо абстрактно-собираТЕЛЬный характер. Так, например, немецкая 432 мм мортира репрезентируется как *grosse Bertha* (досл. *Толстушка Берта*), по имени дочери крупнейшего производителя оружия Альфреда Круппа. Двухместная модель самолёта Ньюпор, отличающаяся дефектным боевым оснащением, может вербализоваться как *stéphane* (досл. *Стефан*). Переосмысление имеет выраженный иронический характер и построено на игре слов, связанной с омонимией фамилии известного французского поэта Стефана Малларме (Stéphane Mallarmé) и словосочетания *mal armé* (досл. *плохо вооружённый*). А 75 мм полевая пушка иногда актуализируется как *Charlotte* (досл. *Шарлотта*) или *petit Français* (досл. *маленький француз*). Последние два наименования скорее основаны на собирательных образах и не позволяют проследить конкретный прототипа.

Метафора всегда субъективна, и обращение к ней может иметь не только рационально-логическую, но и скрытую психологическую мотивацию. По нашему мнению, наблюдаемая активная метафорическая персонификация во многом обусловлена аффективной потребностью человека ментально ассоциировать предметы, с которыми он находится в тесном взаимодействии и которые играют существенную роль в его жизни, с одушевленными существами. Это становится особенно востребованным в экстремальных условиях военной жизни, которая лишает человека полноценного контакта с его близким окружением.

Используемые в речи метафорические переосмысления достаточно часто представляют окружающую реальность в упрощённом или юмористическом свете, способствуя тем самым психологической адаптации личности в критических ситуациях. Например: – <...> *Les marmites devaient pleuvoir de ce côté-là, car les Allemands ont sérieusement riposté, paraît-il. Je réponds d'un ton calme: – Oui, mon commandant, nous avons, en effet, vu quelques marmites, mais nous avons, depuis longtemps déjà, fait connaissance avec elles* (– <...> В той стороне *чугунки*, должно быть, плотно ложились, так как немцы, кажется, оказали серьёзное сопротивление. Я отвечаю спокойным голосом: – Да, господин майор, мы действительно видели несколько *чугунков*, но мы уже давно с ними знакомы)¹⁷. Метафорическая репрезентация

крупнокалиберного снаряда как предмета бытовой утвари (*чугунка, кастрюли, котла*) основана на некотором сходстве формы и размера вербализуемых реалий. В данном случае метафора не только способствует неформальной категоризации денотата благодаря своей когнитивной составляющей, но также позволяет воспринять суровую реальность в приуменьшенном аспекте.

Кроме того, метафорические переосмысления могут использоваться для репрезентации **боевых действий** и самих **военнослужащих**. Рассмотрим в качестве примера: – <...> *i's sont culottés, ces zigues-là, d'sortir par un marmitage pareil. – Les artieurs, mon vieux, vient nous dire un bonhomme d'une autre compagnie qui se promenait dans la tranchée, les artieurs, c'est tout bon ou tout mauvais. Ou c'est des as, ou c'est de la roustissure* (– <...> они куражные, эти парни, выходить под такой обстрел. – Артиллеристы, старик, как недавно нам сказал один солдат из другой роты, который прогуливался по траншее, они либо хороши, либо плохи. Они – или *асы*, или *барахло*)¹⁸. Вербализация артиллерийского обстрела при помощи лексемы *marmitage* непосредственно связана с упоминаемым выше метафорическим переосмыслением крупнокалиберного снаряда. Она представляет собой неологизм, получивший широкое распространение в исследуемый период. А репрезентация военнослужащего, являющегося мастером ратного дела, как карточного туза (*as*) обусловлена его уподоблением игровой карте обычно самого старшего достоинства и, соответственно, самых больших возможностей. Оба метафорических переосмысления представляют собой характеризующую оценочную номинацию, которая отличается заметной коннотативной составляющей.

Метафоры могут также служить для актуализации **противника**. Например: *Le commandant passe. Il est sobre de gestes, en petite tenue, sanglé, simplifié. On l'entend qui dit: – Y a du bon, mes enfants. Les Boches foutent le camp. Vous allez bien marcher; hein?* (Проходит майор. Он скуп на жесты, одет в полевую форму, подтянут, более прост. Мы слышим как он говорит: – Хорошие новости, ребята. *Боши* драпают. Вы ведь не подведёте, да?)¹⁹. Этимология переосмысления противника-немца при помощи лексической единицы *boche* до конца не выяснена. По мнению лингвистов, наиболее вероятной представляется его связь с идиоматическим выражением *tête de boche* (досл. *твёрдая голова – тупая, упрямая голова*), в котором лексема *boche* имеет значение *boule* (досл. *шар*) – деревянный шар для игры²⁰. Кроме того, в приведённом примере метафорическая вербализация не только позволяет коннотативно передать эмоциональное отношение к противнику, но и несёт сопутствующую фатическую нагрузку, способствуя установлению контакта между командиром и его подчинёнными.

В ряде случаев эмоционально-оценочная функция метафоры оказывается очень тесно пере-

плетённой с игровой функцией, которая является реализацией одной из древнейших форм поведения биологических существ и также способствует «облегчённому» восприятию реальности. В частности, это может проявляться при образовании различных коллективных или индивидуальных прозвищ, которые достаточно распространены в военной среде. Их употребление часто носит окказиональный, а не регулярный характер. Например: – *Plotin!.. Plotin!.. Attention à Boule de Suif! – Boule de Suif!.. J'm'en f...!* (– Плотен!.. Плотен!.. Осторожно, *Пышка!* – *Пышка!*.. Мне плевать..!)²¹. В рассматриваемом случае прозвище *Boule de Suif* (досл. *сальный шар*) служит для окказиональной метафорической репрезентации солдата противника. Прототипическим признаком выступает гиперстенический тип телосложения, позволяющий провести насмешливую аналогию между солдатом противоборствующей стороны и шарообразным фрагментом животного жира. Кроме того, данная номинация содержит активную коннотативную референцию на героиню одноименного произведения Ги де Мопассана. Хотя в новелле де Мопассана *Пышка* выступает положительным персонажем, тем не менее скрытая коннотативная связь с родом её занятий придает прозвищу заметный пейоративный оттенок, что отражает подсознательное эмоциональное отношение к противнику. В целом можно отметить, что данное метафорическое прозвище имеет выраженную культурно-специфичную мотивацию, оно не только способствует проявлению игрового поведения, но и придает референту прецедентный статус.

Не трудно заметить, что эмоционально-оценочный компонент метафорической номинации достаточно тесно связан с комическим началом. Однако в анализируемый период некоторые метафорические репрезентации военных реалий зачастую принимают вид чёрного юмора. Так, например, из-за серии катастроф подводные лодки могут актуализироваться как *sercemeils d'acier* (досл. *стальные гробы*). Легко воспламеняющийся самолёт (чаще аэроплан «Вуазен») репрезентируется как *four crématoire* (досл. *кремационная печь*). Атака на позиции противника, защищённые колючей проволокой, метафорически вербализуется при помощи выражения *aller au séchoir* (досл. *идти в сушилку*), так как тела убитых оставались висеть на проволочных заграждениях. А аэропланы авиастроительной компании Моран-Солнье (*Morane-Saulnier*) иногда переосмысляются как *mort-subite* (досл. *внезапная смерть*) из-за аббревиатуры производителя («*M.S.*»). Последний пример наглядно демонстрирует, насколько образ смерти доминирует в сознании французских военнослужащих исследуемого периода. Несомненно, подобная актуализация профессионального мира отражает психологическое состояние людей, переживающих психотравмирующий опыт в условиях кровопролитного военного противостояния. С другой стороны, исследования в области психоло-

гии свидетельствуют о том, что юмор является защитным механизмом, способствующим регуляции восприятия травмирующих внутренних и внешних реалий²². Соответственно, присутствующие в речи французских солдат элементы юмора и игры позволяют поддерживать моральный дух и переносить трудности и опасности военной жизни.

Таким образом, эмоционально-оценочная функция метафоры активно востребуется в процессе речевой коммуникации французских военнослужащих начала XX в. Её реализация во многом определяется историческим, культурным и ситуационным контекстом и зачастую проявляется на уровне коннотативной составляющей языкового знака. Согласно теории Ч. Пирса, интерпретация любого знака есть динамический процесс, включающий в себя обязательное эмоциональное переживание («feelings»)²³. Благодаря семантической многозначности и значительному коннотативному разнообразию, используемые в речи метафоры служат проводниками эмоционального отношения коммуникантов к называемой ими реалии профессионального мира, а также эффективно используются для выражения оценки и характеристики референта. Кроме того, реализация эмоционально-оценочной функции метафоры способствует повышению психологической устойчивости коммуникантов, позволяя регулировать восприятие травмирующих ситуаций, которые не зависят от их воли и не могут быть ими изменены. Составляя неотъемлемую часть языка, метафорические средства вербализации реалий профессионального мира отличаются значительной вариативностью. Их подробный анализ позволяет выявить ведущие культурные и психологические особенности исследуемого социума в конкретный исторический момент.

Примечания

- 1 См.: Шаховской В. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. 2018. Т. 22, № 1. С. 54–79. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79
- 2 См.: Zenkine S. Connotation et quiproquo (quelques considérations à partir des Mythologies de Roland Barthes) // Le malentendu dans tous ses états. 2016. № 44. P. 162.

- 3 См.: Ervas F., Gola E., Rossi M. G. Metaphors and emotions as framing strategies in argumentation // CEUR-Workshop Proceedings. 2015. Vol. 1419. P. 645–650.
- 4 См.: Frezza G. Metaphor : the good argument in science communication // Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio. 2016. Vol. 10, № 2. P. 21–33.
- 5 См.: Lakoff G., Johnson M. Conceptual Metaphor in Everyday Language // The Journal of Philosophy. 1980. Vol. 77, № 8. P. 453–486.
- 6 См.: Балашова Л. Русская метафора : прошлое, настоящее, будущее. М. : Языки славянской культуры, 2014.
- 7 См.: Уланов А. Русский военный дискурс XIX – начала XX века : структура, специфика эволюция : дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2014.
- 8 См.: Saber A. Métaphore et culture professionnelle chez les militaires américains // Cahiers du CIEL. 2000–2003. P. 189. URL: <http://www.eila.univ-paris-diderot.fr/recherche/clillac/ciel/cahiers/2000-2003> (дата обращения: 27.10.2016).
- 9 См.: Cassagne J.-M. Le grand dictionnaire de l'argot militaire. Paris : Éd. LBM, 2007.
- 10 См.: Esnault G. Le poilu tel qu'il se parle. Paris : Bossard, 1919.
- 11 См.: Barbusse H. Le Feu (Journal d'une Escouade). Paris : E. Flammarion, 1917.
- 12 См.: Galopin A. Les Poilus de la 9e. Paris : Albin Michel, 1915.
- 13 См.: Contes véridiques des tranchées, 1914–1915. Paris : Lemerre, 1915.
- 14 Ibid. P. 296.
- 15 Здесь и далее перевод автора.
- 16 Cochet F., Porte R. Dictionnaire de la Grande Guerre : 1914–1918. Paris : R. Laffont, 2008. P. 102.
- 17 Galopin A. Op. cit. P. 108.
- 18 Barbusse H. Op. cit. P. 233–234.
- 19 Ibid. P. 264.
- 20 См.: Cassagne J.-M. Op. cit. P. 74.
- 21 Galopin A. Op. cit. P. 8.
- 22 См.: Abel M. Humor, stress, and coping strategies // Humor : International Journal of Humor Research. 2002. Vol. 15, № 4. P. 366.
- 23 См.: The Essential Peirce : Selected Philosophical Writings. Vol. 2 : 1893–1913 / ed. by the Peirce edition Project. Bloomington ; Indianapolis : Indiana University Press, 1998. P. 409.

Образец для цитирования:

Соловьева Е. А. Эмоционально-оценочная функция метафоры в речи французских военнослужащих в период Первой мировой войны // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 7–10. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-1-7-10>

Cite this article as:

Solovyova E. A. Emotional and Evaluative Function of Metaphor in the Speech of French Soldiers During the First World War. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 7–10 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-1-7-10>